

ГЛАВА 1

За окном раздался пронзительный свист, захаркал мотор. Хлопнули два выстрела, кто-то испуганно закричал, затопал по мостовой.

Щуплый мужчина в кепке и пиджаке, с густой щетиной на щеках и шрамом на подбородке подлетел к выключателю, и скудно обставленная комната на втором этаже кирпичного дома в центре Мурманска погрузилась в полумрак. Он метнулся к окну, задернул шторы, и стало совсем темно. По мостовой с ревом проехал автомобиль. Звуки растворились в ночи, стало тихо и темно. Только ходики на стене чуть слышно тикали.

Волнение постепенно отпускало людей. С сухим щелчком вернулся на место взведенный курок семизарядного нагана. Опасность миновала. А была ли она?

— Все, отбой, — проворчал прокуренный голос. — Эй, Карась, монтер хренов, давай свет.

Заскрипели половицы. Владелец шрама и болезненной худобы подался к выключателю.

Загорелась тусклая лампа, окольцованная тряпочным абажуром. Осветились колченогая мебель, облезлый потолок, ветхий коврик на стене, на котором были изображены олени, гуляющие в мирном лесу.

Карась остался в проходе, ведущем в прихожую. Он прижался к косяку, сунул руку в карман, явно не пустой. В криминальной иерархии этот нервный тип занимал далеко не первые места. Парню было лет тридцать, глаза шныряли, на лбу поблескивали бусинки пота.

Двум другим удавалось сохранить лицо.

За широким столом, покрытым скатертью, спиной к выходу сидел приземистый субъект в кожаной жилетке, мясистый, колоритный. Волосы на его голове росли так, как им хотелось, в основном на загривке и над ушами. Правая рука с тем самым наганом покоилась под столом. Мужчина разминал кулак, костяшки которого украшали выцветшие наколки.

Третий был моложе, но в его коротких русых волосах уже скопилась седина. Он подался вперед и, опираясь локтями о стол, насмешливо созерцал компанию. У него был цепляющий неприятный взгляд.

— Обделались, товарищи воры? — Этот субъект криво ухмыльнулся. — Очкуем не по делу? Домушники на лайбу с патрулем нарвались, когда стыренное барахло откуда-то перли, видать, из

соседнего дома. Сейчас им и скажут, чтобы башкой в первую очередь думали. А вы что решили? Эх, неправильно вы живете, граждане дорогие. Хотя согласен — очко не железное.

— Ага, ты еще скажи, что мы жить не умеем, — как-то смущенно буркнул Карась.

— А что, и правда не умеете. — Русоволосый парень хищно оскалился, обнажил прокуренные, но в целом приличные зубы. — Вы жизнью не наслаждаетесь, от нее страдаете. Умереть вам надо. — Он ехидно хохотнул. — Приятная новость, Махан?

— Ладно, Белый, поглумился, и будет, — проворчал человек, сидевший на другом конце стола.

Он спрятал револьвер в глубокий брючный карман и теперь сжимал и разжимал оба кулака. Наколки на втором выглядели богаче, хотя едва ли раскрывали биографию хозяина.

— У тебя, Белый, репутация в блатном мире, может, и нормальная, но не хаами, ладно? Умирать мы не спешим, после смерти, знаешь ли, уже ничто не интересно. Патруль так патруль, товарищи не возражают. Но береженого, как говорится...

— В тундре на луну твои товарищи воют, понял? — заявил Карась, осмелев. — Ты что, мент, коммуняка — «товарищами» тут швыряться?

Русоволосый человек засмеялся.

Субъект с погонялом Махан удрученно покачал тяжелой головой.

— Это для красного словца, Карась, не пугайся. Ладно, братва, за угощение отдельное, как говорится, спасибо. — Белый отодвинул от себя вазочку с вареньем, салфетку с крошками съеденного хлеба.

Он одним глотком, словно водку, допил чай из алюминиевой кружки, уставился на собеседников и проговорил:

— Чем дальше займемся? В козла сыграем? Или все же к делу? Мой посыл ты усвоил, Махан. Не пора ли его обдумать? С корешами перетри, лясы почешите недельку-другую. Или ты не веришь уважаемым людям из Архангельска, которые хотят не войны, а взаимовыгодного сотрудничества с мурманской братвой, дабы всем было хорошо, тепло и богато?

— Мы за мир, Белый, — заявил Махан, — но мир миру рознь, согласись? Архангельск город шумный, большой. Блатной мир там не один год правит, бабки делает. А наш городок маленький, недавно построен. С перспективой, конечно, как обещает товарищ Сталин... — Небритые скулы перекосила гримаса. — Но та ли эта перспектива, как ты считаешь, Белый? У вас торговля, склады, крупные перевалки, море приезжих по кабакам, гостиницам и прочим значным местам, а у нас лишь порт да флот.

— Махан, ты сейчас торгуешься? — осведомился Белый. — Цену задираешь? Или что это было? Мы вам в качестве жеста доброй воли предлагаем деньгами разжиться, совершенно, заметь, безвозмездно. А просим лишь свести с вашим паханом, чтобы предложить ему дружбу и взаимную выгоду. Наши расчеты не кусают ваши интересы. Потерь не понесете, обещаем, а через год-другой укрепнем, вместе весь север в железном кулаке держать будем. Слушай, а на хрена я тебе чего-то доказываю, не объяснишь? У тебя своя голова на плечах, весь расклад нарисовать можешь.

— Ты нам лекцию не читай, — заявил Махан. — Слушай, а что за погремуха у тебя такая — Белый? Ты же вроде Кулешов или как?

— Потому что наколок у меня нет, — объяснил тот.

— А что так?

— Не люблю их. Да и ситуации бывают всякие. Иной раз эта живопись на видных местах делу мешает. Мама в детстве учила: не делай, сынок, наколки, хорошие люди этим не занимаются... — Белый издал короткий смешок. — Решился, Махан? Будем общаться с паханом или кто там у вас мазу держит?

— Сыч не блатной, — подал голос из проема Карась.

Махан вздрогнул, недовольно стрельнул глазами.

— Ладно, потерпим. — Белый пожал плечами. — Нам без разницы, Махан, блатной он или дирижер симфонического оркестра. Фигура дельная, судя по делам. Наши люди перетереть с Сычом хотят.

— А он фигура не публичная, — сказал Карась. Белый поморщился.

— Несерьезный базар. — Он сделал вид, что собирается встать. — Спасибочки за угощение, гостеприимство, за то, что не выкинули в ночь глухую. Жаль затраченного времени. Но ничего, передам своим, что мурманские задирают планку, не готовы пока общаться на равных...

— Сядь, Белый! — Махан беспокойно шевельнулся. — А ты, Карась, пасть закрой и не тринди. Давай конкретику, Белый. Твои намеки, недомолвки — тоже, знаешь ли, не бальзам. Что по кассе? Выгорит дело — вместе отправимся к Сычу, пусть решает, стоит ли нам входить в ваш «союз нерушимый». Но сам пойми, Карась дело говорил. Сыч фигура не публичная, из тени не выходит. Не поверишь, про него только трое в курсе. Даже Карась ни хрена не знает, кроме того, что он далек от блатного мира...

— Триста тысяч советских рублей в новеньких купюрах — нормальный резон? — перебил его Белый.

Карась присвистнул, оторвался от косяка и вынул руки из карманов.

— Откуда такие сокровища, Белый? — спросил не менее впечатленный Махан. — И не где-ни-

будь, а в моем родном городе? Ты ничего не запутал?

— Это не твой родной город, Махан, — отрезал Белый, — Мурману тридцати лет нет, а тебе далеко за сорок. И запомни на будущее, Махан, — мы никогда ничего не путаем. Зарплата за июль судоремонтного завода — вернее, не всего, а трех основных цехов. Остальным подвезут через три дня. Завтра будут раздавать — полтысячи голодных ртов как-никак. Ну, если, конечно...

— Охренеть! — заявил Карась. — Вот это деньги!

— Скажи, Белый, как так вышло? Почему вы знаете про деньги, а мы — ни сном ни духом? — спросил Махан. — А вроде первые должны...

— Так уж вышло. — Белый усмехнулся. — Да не менжуйся, Махан, все чисто. Инкассаторы в два часа ночи повезут зарплату из банка на Свердлова в заводскую кассу. Обычная практика. Они всегда так делают, чтобы избавиться от лишнего риска. Приличные люди по ночам же спят, верно? В банке море охраны, на заводе тоже. Единственный шанс откупорить эту кубышку — в пути. Машина железными листами обшита, пара лимонок вскроют ее, как консервную банку. Внутри двое ментов с автоматами, еще один в кабине, четвертый — шофер. Сразу предупреждаю, его не мочить, это наш человек. Остальных — ради бога.

— Вот оно что. Вы своего человечка на работу в наш город отправили.

— Ага, внедряемся потихоньку. Прости, Махан, без обид. Так получилось. Грешно было не использовать оказию. Маршрут известен. Машина ходит так дважды в месяц. Свердловка — Северная — Портовый вал — крыльцо Госбанка. Где-то в два пятнадцать менты выедут на пустырь за Ситцевым овражком, где их и можно красиво сделать. Там ночью ни людей, ни машин. Проезд узкий, бросим пару булыжников на дорогу — остановятся как миленькие. Что вы теряете, Махан? Для такого дела хватит и четверых. Риск — согласен, но деньги верные и в таком количестве!..

— Красиво говоришь, Белый, — проворчал Махан, исподлобья созерцая собеседника, лицо которого практически не менялось. — Но скажи мне вот такую вещь. Допустим, все срастется, и что тогда? Всей братвой валить из района? Менты начнут шерстить местных, рано или поздно выйдут на след, потянут ниточку. Думаешь, они не знают про нас? Вам хорошо, дело сделал и свалил в свой Архангельск, а нам куда? Тут, конечно, не Сочи, но жить можно, особенно без конвоя. В нашей стране есть места гораздо хуже. Ты должен знать...

— Одно я точно знаю, — заявил Белый, — учреждение Дальлага под номером тридцать два — четырнадцать. Ветра постоянно, охрана — бешеные

псы, кормят мерзостью. Леса там такие, что и за век не вырубить. Крайне не рекомендую, парни.

— На Дальнем Востоке отбывал? — спросил Карась.

— Было дело по нежным годам, — подтвердил Белый. — Угодил туда за попытку убийства сторожа в продмаге. Много не дали — не политический же, а все равно хватило. С тех пор осторожничаю, не блатую, берусь лишь за верные дела. А наше, повторяю, такое и есть. Халява в гости катит, чувствуешь, Махан? Вы просто берете бабки, а потом, уж будь добр, сведи меня с Сычом. Да не через неделю или, скажем, месяц, а уже сегодня, на крайняк завтра.

— Как навар делим? — Глазки Махана превратились в щелки.

— Поровну, — ответил Белый, — мы тебе не добрые самаритяне, чтобы от своей доли отказываться. Но это щедро, не спорь. Мы за вас все спланировали, подготовили.

— Ладно. — Махан откинулся на спинку стула. — Кто из ваших еще в теме?

— Есть парочка. — Белый сделал неопределенный жест. — Ты же не думаешь, что мы не страхуемся? Но эти люди тебе не конкуренты, их работа закончена. Так идем на дело, Махан? Ты, я, еще кого-нибудь подбери — да толковых, а не тех, кто пальцы гнет, по фене без словаря ботает, а больше ни хрена не умеет.

— Ты сейчас о ком? — вспыхнул Карась.

— Нет, о присутствующих плохо не говорим. — Белый осклабился, выставил на обозрение все свои тридцать два зуба.

Упустить такой куш мурманские уголовники никак не могли. Но случилась заминка. Надо было сообщить об этом тому самому Сычу, получить от него добро.

Белый поглядывал на часы, раздраженно цокал языком. Из комнаты выскочил Карась, за ним удалился Махан. Представитель архангельских воров окутывал себя зловонным папиросным дымом, мрачно разглядывал оленей, вышитых на коврик.

В начале второго часа ночи в комнату заглянул Карась и недвусмысленно махнул рукой. Белый поднялся, пружинистым шагом вышел в коридор. Карась удалялся, шаркая стоптанными подошвами, скрылся за дальней дверью.

Квартира на втором этаже принадлежала явно не пролетарию. Слишком много помещений и переходов. Два пролета скрипучей лестницы, узкая шахта черного хода. В глубине торчал сутулый тип в кепке. У крыльца кутались в балахоны еще двое.

С неба моросило что-то невразумительное, густая влага насыщала воздух. Ночная температура не поднималась выше пяти градусов. Август в Заполярье в победоносный год оставлял желать лучшего.

Из соседней двери, как черт из табакерки, вылутился Махан, за ним еще пара, подошли к Белому.

— Что, Махан, здравый смысл отмечает победу? — насмешливо спросил тот.

— Язык придержи! Мы сами сообразим, что нам делать. С нами пойдешь, Белый. Выгорит дело — отвезем тебя к Сычу, с ним и три свои проблемы. Пошли, телега за углом.

— Волыну верни, Махан, — сказал Белый. — Я вам что, мент ряженный? Что за хрень? Без стволов сами топайте на дело.

Махан поколебался, потом махнул рукой и сказал:

— Хомяк, отдай парню пушку, а то обидчивый он какой-то.

Приземистый субъект с пухлыми щеками извлек из недр фуфайки ТТ, сунул владельцу. Тот забрал свою игрушку, проверил обойму, фыркнул и сунул пистолет в карман.

Мужчины пересекли двор, вышли к углу соседней двухэтажки. Помянутая телега — подержанная «эмка», списанная с баланса какого-то советского или партийного хозяйства, — стояла у края тротуара под согнувшимся деревом. Фонари в округе бездействовали. Не дошли до них руки мастеров коммунального хозяйства. Электричество в домах граждан имелось, но подавалось с перебоями.

— Рассаживаемся быстро! — прошипел Махан. — Протянули резину, мать вашу за ногу! Белый, давай на заднее сиденье. Топченый, чего те лишься, причиндалы свои чешешь? Помоги нашему другу.

— Махан, не боишься, что менты эту лайбу остановят? — поинтересовался Белый, влезая в тесный салон. — Это же готовая камера смертников.

— Издеваешься? — вспыхнул Махан. — Ты на номера глянь. На этой лайбе к самому горкому подъехать можно, ни у одной шавки вопросов не возникнет. Говори, куда ехать.

Насчет остановки с шиком у плотно охраняемого горкома Махан явно погорячился. Хомяк, сидящий за рулем, катил по каким-то темным переулкам, ругался сквозь зубы, объезжая еле присыпанные воронки от снарядов. Эти участки напоминали зыбучие пески, способные всосать даже машину.

На заднем сиденье было тесно. Справа Белого поджимал сопящий Топченый, угрюмый сорокалетний молчун. Слева пыхтел и не мог угнездиться Карась. Он то вертел задницей, то чесался, натягивал на уши куцую кепчонку.

Машина дважды выезжала на большие дороги, катила мимо серых трехэтажных зданий, небрунанных развалин, наспех обнесенных заборами. Город, растянутый на десять верст вдоль скали-

стого берега Кольского залива, медленно восстанавливался, приходил в себя. Запускались предприятия, работали коммунальные службы. Кое-где на месте снесенных руин уже возвышались свежие строения. Росло население — в основном за счет семей рабочих, переезжающих с востока.

Немцы так и не смогли взять этот город, самый крупный в мире из всех, расположенных за Полярным кругом, хотя неоднократно проводили наступательные операции. Захватчики продвинулись здесь от границы лишь на несколько десятков километров. Войска Карельского фронта и морская пехота Северного флота стояли как влитые, отбивали атаки стопятидесятитысячной армии «Норвегия». Они несколько раз переходили в контратаки, чтобы отбросить противника, но тоже не достигли крупных успехов. Практически три года линия фронта не менялась, велись позиционные бои. Война шла на море и в воздухе. Немцы безжалостно бомбили Мурманск. Почти все деревянные постройки в городе были сожжены. Уцелело лишь несколько десятков кирпичных зданий в центре. Но город жил, сражался, зарывался в землю.

Летом сорок четвертого войска Карельского фронта перешли в наступление и вытеснили немцев с финнами за пределы СССР, сняли угро-

зу с города. Уже год тут шла фактически мирная жизнь.

«Эмка» встала в переулке на задворках промышленной зоны. Смутные тени скользили по обочинам, растекались. Это место было идеальным для засады. Еще со времен Антанты здесь сохранились корпуса складов, пришедших в полную негодность. В военные годы сюда залетали бомбы, кругом валялись деревья, выкорчеванные взрывами, куски заборов. Работающих предприятий в округе не было, жилые здания тоже отсутствовали.

Топченый с Карасем кряхтели, перекатывали на проезжую часть тяжелый кусок бетона.

— Карась, туда! — Махан выстрелил пальцем в темноту. — Будешь сзади прикрывать, уяснил?

Этому парню было не в диковинку бить со спины. Плотно похрюкивая, он свалил в темень.

— Карась, без самодеятельности! — крикнул вдогонку Белый. — Только по команде!

Махан присел на корточки у забора, всматривался в пространство, тер глаза.

— Это глухомань какая-то, Белый! Какого черта здесь поедет инкассаторская машина?

— Не поверишь, Махан, но она всегда здесь едет. Сам посуди, нашему брату в этих краях делать нечего, особенно ночью. Какой резон шнырять по пустым закоулкам? Ни кабаков, ни лабазов, ни командировочных, которых можно по-

трясти. Маршрут секретный, в курсе только пара рыл и шофер. Участок короткий, здесь можно срезать целый километр с Пролетарской до Октябрьской. Три минуты страха, и ты на заводе. Не переживай, Махан, — утробно урчал Белый. — Если все у нас срастется, то этой дорогой инкассаторы перестанут ездить. Впрочем, так будет в любом случае.

Махан напрягся, учащенно дышал, в полумраке было видно, как раздуваются его ноздри.

— Хреновое чувство, Белый, что мы тут не одни. Рядом еще кто-то есть, глядит за нами. Ни хрена не пойму.

— Не ожидал от тебя, Махан. — Белый укоризненно покачал головой.

Но и его зацепило. Он присел на корточки, стиснул рукоятку ТТ, стал осматриваться.

— Кто тут может быть? Дело верное, мы все предусмотрели. Это обычная перевозка денег. Нам сообщили бы об отмене. Хорош нервы мотать, Махан, из-за тебя мне тоже всякая лабуда чудится. За мента меня принимаешь? Расскажу архангельской братве, пусть смеются. И на хрена бы тогда весь этот спектакль устраивать? Давно бы вас всех перебили или живьем взяли... Черт, машина едет! Самое время, Махан. Командуй своими приبلудными, чтобы не лезли поперек бабки. Без команды не стрелять! Я сам все сделаю, не хочу исправлять после вас.

Все случилось быстро, сумбурно, как-то странно. Это действительно была инкассаторская машина с деньгами! Свет фар плясал по переулку, озарял обшарпанный забор, горы мусора, собранные бульдозером.

На дороге обрисовалась колымага. Это был немецкий «Кюбельваген», приспособленный для перевозки раненых. Его кабина и кузов были обшиты стальными листами, и смотрелся он несуразно. Но толику безопасности экипажу такая защита, видимо, обеспечивала, хотя бы в плане самоуспокоения. Мощные фары прожигали тень.

Рыча и дребезжа, машина вошла в поворот, наткнулась на огрызок бетонной стены и встала. Водитель сделал попытку его объехать, заскрежетало железо. В кузове кто-то закричал, стал матерно ругаться. Шофер сдавал назад, но не вошел в колею. Машина снова на что-то наткнулась.

Были слышны отрывистые команды:

— Всем сидеть! Готовность полная!

— Ментов не убивать, если получится, — прошипел Белый. — Иначе эти черти взбеленятся, весь город обложат, и придет нам хана. Предложу им сдаться, если не захотят, тогда мочим всех, кроме шофера.

Распахнулась пассажирская дверь, на землю спрыгнул человек в форме с автоматом, взял

его на изготовку. Он обогнул капот, пнул бетонный огрызок, осмотрелся, забросил автомат за спину, нагнулся и стал оттаскивать эту махину с дороги.

Белый выскочил из укрытия, выставил руку с пистолетом, побежал, заскочил в освещенную зону.

В машине кто-то тревожно закричал. Автоматчик у капота поздно спохватился. Ему удалось сдвинуть глыбу на метр. Он вскинул голову, увидел Белого, бегущего к нему.

— Это налет! Бросить оружие! Не шевелиться! Всем выйти из машины! — выкрикнул тот. — Кто ослушается, перебьем к чертовой матери!

Люди Махана бездействовали. Чего гоношиться-то? Пусть этот приезжий сам все сделает.

Автоматчик что-то выкрикнул, расставил ноги, оттолкнул Белого, прыжком метнулся за капот, стал стягивать со спины ППШ. Белый вскинул ТТ, грохнул выстрел. Боец закричал, выронил автомат, согнулся пополам, сделал два неровных шага и упал в канаву. Пару секунд он катился, издавая предсмертный хрип, потом затих.

Белый попятился из освещенной зоны. Он почувствовал, что сейчас произойдет, пригнулся, кинулся за поваленный столб. А у братков закончился терпеж, они бежали к машине, паля из наганов. Тридцать метров по освещенной зоне, у всех на виду!

В машине кричали люди, кузов ее трясся. Раздался треск. Наверное, кто-то пробил перегородку между кабиной и кузовом и награждал водителя тумаками. Распахнулся люк на крыше. Кто же знал, что он там есть? Оттуда высунулся человек и начал поливать уголовников огнем из автомата Судаева.

Хомяк с Топченым не добежали до цели. Их скосило одной очередью. Первому пуля пробила голову, он умер еще до того, как начал падать. Второму свинец перемолол содержимое кишечника, он катался по земле, брызжа кровью.

Карась с остервенелым воплем открыл огонь. Но автоматчик уже исчез в автомобиле. Махан матерился и долбил из нагана, прижавшись к забору. Но булыжник уже не мешал проезду. Машина дернулась вперед-назад и понеслась по дороге с жутким ревом. Водитель забыл переключить передачу. Но шла она неровно, моталась из стороны в сторону.

Уцелевшие налетчики бегло падали по машине. Инкассаторский автомобиль подскочил. Под его левым колесом очень некстати оказался мертвый Хомяк. «Кюбельваген» пошел юзом, притерся бортом к иссохшему дереву. Водитель выкрутил баранку, и машина змейкой пошла вперед.

Огонь не прекращался. У уголовников хватало патронов.

Далеко машина не ушла, съехала на правую обочину, там развернулась и уткнулась в дно канавы. Из машины трещали выстрелы. Бандитам пришлось рассыпаться. Но они продолжали долбить по цели с ослиным упорством.

А затем произошла и вовсе возмутительная вещь. Карась, истекающий адреналином, захватски свистнул и швырнул в сторону машины наступательную гранату! Боеприпас был слабенький, до цели не долетел, но сработал. Из машины с паническими выкриками выпрыгивали люди, ныряли в темноту, пропадали.

— Уйдут, суки! — провизжал Махан. — Вместе с деньгами удерут! Вперед, братва, окружай их!

Урки с разных сторон кинулись к машине, но там уже никого не было. Задние створки оказались распахнуты, под колесами что-то валялось.

Возбужденный Карась перепрыгнул через канаву, припал на колени и стал бегло стрелять в темноту, не видя абсолютно ничего. Однообразная матерщина висела в воздухе, дрожала, вибрировала.

Банковская охрана оказалась не смелого десятка. Все выжившие поспешили убраться. Карась орал им вслед всякие мерзости.

Белый сунулся в машину. Там никого не было. Он кинулся к задним дверям и наткнулся на растерянного Махана. Тот был в каком-то ступоре,

вооружился карманным фонарем и в хиллом свете недоверчиво разглядывал добычу.

Машина была набита наличностью! Менты перевозили деньги в двух упитанных сумках, фактически мешках с кожаными ручками. Одна осталась в салоне. Вторую инкассаторы, по-видимому, пытались вытащить во время бегства, но она зацепилась за кронштейн в полу, порвалась, и они ее бросили. Часть денег рассыпалась. Банкноты в крупных купюрах, стянутые банковскими лентами, валялись в грязи.

Махан охнул, вышел из ступора и стал скидывать их в порванный мешок. Сказочное богатство! От обилия наличности кружилась голова, подрагивали ноги, сбивалось дыхание. К черту коммунизм! Да здравствует социализм, при котором деньги еще не отменены! Только тот король, у кого они есть!

— Белый, они деньги бросили. Вот же как! — заикаясь, бухтел Махан. — Помоги собрать.

Из темноты примчался Карась, тоже стал охать, хвататься за голову. Потом он уцепил одну пачку, начал шелестеть, перебирать купюры, выудил из середины одну, стал обнюхивать ее, чуть не языком вылизывать и сообщил дрогнувшим голосом, мол, бабки подлинные. «Я фальшивку за версту чую!»

Урки пытались поднять рванный мешок, но деньги высыпались из него. Карась, ругаясь, полез

в кузов, заюлююкал, прыгнул с таким же мешком, но пустым. В него братки и набивали деньги, возбужденно пыхтя.

— Быстрее, братва! — прохрипел Махан. — Сейчас сюда вся мусарня слетится. Мы тут знатный шум подняли.

— Быстро не слетятся, — возразил Белый, — мы на отшибе, у черта на рогах. Может, какие-то менты и слышали стрельбу, но пока поймут... Работаем быстро, но без суеты.

— Карась, сбегай, глянь, что там с корешами, — бросил Махан.

— Да что там глядеть-то? — заныл Карась. — Хана им, представились пацаны.

— Кому сказано, глянь!

Карась неохотно убежал, а когда вернулся, его чуть не рвало. Раздавленная плоть и вывернутые кишки, понятно, не торт. Говорить он ничего не стал, только выразительно махнул рукой.

Махан выругался и заявил:

— Белый, что за хрень? Разве мы так договаривались?

— Ты о чем это, Махан? Мы договаривались о том, что будут деньги. Они есть. Чего еще тебе надо? Никто не обещал, что все пойдет как по маслу. Мозгов не хватило твоим людям. Куда они кинулись? Жадность в бой позвала? Ведь велено было не лезть на рожон. Сами виноваты.

— В следующий раз умнее будут, — выдал Карась и глумливо заржал. — Махан, ну что ты как маленький, всякое бывает.

Время поджимало, ссориться не имело смысла, тем более с такой добычей. Махан убежал выводить «эмку» из переулка, остальные волокли добычу.

Нагловатый Карась как-то приутих, был задумчив, исподлобья косился на Белого. Тому было понятно, что творилось в его голове. Будь он дурнем, перемочил бы всех, свалил с деньгами куда подальше, надежно спрятал бы их, взял немного на первое время. Но дураком Карась не был. Понимал, что не спрячется, и охоту на него объявят не только чужие, но и свои.

Уголовники погрузили мешки в машину, утрамбовали у правого заднего окна. Махан взгромоздился за руль, Карась — на переднее сиденье в качестве пассажира.

Водила из Махана был средний. Но он справлялся с этим делом, не цеплялся за бордюры и мусорные кучи, худо-бедно ориентировался в городских пустошах, въехал в частный сектор недалеко от Цветочной бухты. Здесь сохранилась часть строений, и кое-где обитали люди. Махан завел «эмку» за кустарник, выключил мотор, откинул голову.

— Дал слово — держи, — вкрадчиво произнес с заднего сиденья Белый. — Деньги мы взяли. Все

так, как я и обещал. Люди погибли — сами виноваты. И ты, хреновый главарь. Не забывай, что в этих деньгах есть наша доля. Да и вобщак надо будет отстегнуть. Ты должен отчитаться перед Сычом? Вези в его гнездо, вместе это сделаем. Отговорки не принимаю, Махан. Вспомни про понятия.

— Добро, Белый. — Махан затрясся в нервном смехе. — Передохнуть-то дай.

— Покурить надо, — прохрипел Карась и выудил из кармана пачку папирос.

В третьем часу ночи машина въехала в темный двор на улице Выборной. Она располагалась недалеко от центра и главной городской набережной. Было слышно, как плещутся волны о причал. Изморось висела в воздухе. Влажность в это время года зашкаливала.

Двор был чистый, с небольшой детской площадкой. Несколько машин стояли вдоль фасада. Добротный двухэтажный дом с тремя подъездами был недавно покрашен. В нем явно обитали не самые последние люди этого города. Хотя и не первые, разумеется.

— Ну и куда ты нас привез, Махан? — проворчал Белый, перехватывая в зеркале взгляд водителя.

— Куда ты просил, туда и привез, — ответил Махан. — Хотел Сыча — сейчас получишь.

— Он в этом доме обитает?

— Ну да. На первом этаже, окна на ту сторону.
— Да подожди ты, Махан. Видно ведь, что тут не просто абы кто живет.

— А мы тебе говорили, что он не блатной.

— Что, и семья у него есть?

— Семьи нет. Волнуешься, Белый? — Махан насторожился. — Что это у тебя на лбу блестит? Не пот ли? Вроде не жарко.

— Кому как, — огрызнулся Белый. — Умеете вы удивить, ребята.

Махан задумался. Разумеется, он спорол глупость. Никого нельзя сюда возить, даже в доску своих, сто раз проверенных. Но он привез. Поди пойми, почему так вышло. Бес какой-то попутал.

— Ну так пошли, — сказал Белый. — Давай прогуляемся. Не нарушим мирный сон советских служащих и членов их семей?

— Сиди, Белый, — заявил Махан. — Сам схожу, перетру с Сычом. Время позднее, он наверняка спит. Ты Карася посторожи, лады? Я скоро. Не удерете отсюда с деньгами-то? — Он хохотнул, стараясь скрыть беспокойство, внезапно охватившее его, и стал выбираться из машины.

— Подожди, Махан, — сказал Белый.

— Чего тебе? — Нога уголовника ступила на землю.

Белый не ответил. Рука с полукилограммовым окатышем, который он украдкой подобрал полчаса назад, проделала короткую дугу и врезалась

в затылок Махана. Череп не треснул, но его содержимое пришло в негодность. Махан рухнул головой на руль, руки его безжизненно повисли.

— А? Чего? — Карась захлопал глазами.

Сообразил он не быстро, освещенности не хватало.

— Ничего, — проворчал Белый, — не обращай внимания.

Бить тем же камнем было неудобно. Он бросил его под ноги, ударил по виску урки тыльной стороной ладони. Голова Карася загуляла, словно маятник, глаза закатились. Белый двинул его вторично. Карась ударился ухом о дверь, вроде обмяк, но мигом очухался, завизжал как поросенок, распахнул дверцу. Белый схватил его за шиворот и поволок на себя, на заднее сиденье. У урки трещал позвоночник, он извивался, выплевывал слюну, сучил руками, схватился за мешок с деньгами. Зачем, спрашивается? Обкусанные ногти рвали мешковину, из нее вываливались пачки денег.

— А вот этого не надо, дружище, — прохрипел Белый, отрывая пальцы Карася от мешка, — это реквизит, его надо вернуть, а то я отправлюсь по этапу с тобой за компанию.

Карась едва не резанул ногтями по щеке Белого. Он ведь мог бы нарисовать отметину на всю оставшуюся жизнь. Белому пришлось перекрутить его, согласно правилу буравчика. Карась как-то

странно выгнулся, зарылся головой в пространство между передними сиденьями. Убивать этого типа Белый не хотел.

— Ты что делаешь, сука? — сипел, надрывая горло, Карась. — Ты кто такой, ты что творишь, падла гнойная?! Тебе конец, ты знаешь об этом?

Какая только нечисть ему об этом ни говорила, и ничего, дожил до тридцати трех. Прямо как Христос, которого почему-то невзлюбили коммунисты, хотя парень для своих времен был вполне ничего. Он снова пару раз двинул Карася в висок, на этот раз кулаком.

Но эффект от этих ударов оказался совершенно неожиданным. Карась снова изогнулся, теперь в другую сторону, взвыл, как волк. Защелкали зубы, замелькали черные ногти в угрожающей близости от лица.

Белый отпрянул, выпустил на миг свою строптивую добычу. Он и моргнуть не успел, как Карась вертлявой змейкой вытек из машины, помчался, кашляя, со двора и провалился в темноту. Белый ругался в тесном салоне, бился головой о низкий потолок. Он бы выскочил, догнал бы этого обормота, да у правой двери громоздились мешки с деньгами. Оставалось воспользоваться левой дверью, что удлиняло путь.

Белый выкатился наружу, помчался в обход капота, споткнулся и растянулся на земле в полный рост. Надо же, такая оплеуха напоследок! Все шло

нормально, пусть с шероховатостями, и вот такой конфуз под занавес перед аплодирующей публикой.

Он выронил пистолет, подобрал его, кинулся в темноту, нарвался на кустарник, встал и замер. Не слышно ли чего? Да ни черта! Уплыл Карась!

Белый попятился, заспешил к машине. Три двери из четырех были распахнуты. Махан на руле еще не очухался, но уже подавал признаки жизни — вздрагивал, квохтал, как несушка. Деньги по-прежнему лежали на заднем сиденье. В округе было тихо, никто не проснулся.

Интуиция подсказывала Белому, что Карась ушел и за деньгами вкупе с праведной мезтью не вернется. Урка сообразил, что попал в замес и искушать судьбу не стоит. Уйдет на дно и к своим не вернется — знает, что получит по дыне. В принципе шут с ним, с Карасем. Мелкая испуганная сошка. От него ничего не зависит. Есть рыбы покрупнее, и они уже в сети.

Махан оторвался от руля, обволок пространство мутным взором. Белый ударил его рукояткой пистолета по затылку. Мол, поспи еще. Мне нужно привести в порядок мысли. Сейчас и товарищи должны сюда подтянуться. Что-то они отстали. А ты пока отдохни. Последняя ночь на воле. Потом арест, следствие, трибунал и высшая мера наказания, которую ты, конечно же, сполна заслужил.

ГЛАВА 2

По длинному коридору областного управления НКГБ сновали люди в офицерской форме. Щуплый лейтенант с оттопыренными ушами вынес из кабинета огромную стопку документов. Ее вес явно превышал его физические возможности. Он пересек коридор на подгибающихся ногах, ввалился в помещение, расположенное напротив, и только там уронил папки. Хлопнуло так, словно бедняга застрелился, не вынеся всех тягот и лишений воинской службы.

Белый подавил смешинку, сделал серьезное лицо, устроился поудобнее, закинул ногу на ногу, обнял сцепленными ладонями коленку. Он сидел на стуле, стоявшем у стены в дальнем конце коридора, и набирался терпения. Сейчас этот человек был совсем не похож на вчерашнего представителя архангельского воровского сообщества. Возможно, причиной тому было совсем иное выражение лица или же мундир капитана Красной армии, сидящий на нем практически без изъянов. О прежнем образе свидетельствовали лишь щетина, которую он не спешил удалять, да муть, не рассосавшаяся в зеленых глазах.

В здании кипела активная жизнь. Заведение работало, боролось с отдельными проявлениями угроз государственной безопасности.

За пределами управления шумел и строился Мурманск — последний город, основанный в Российской империи. Это событие произошло в 1916 году. Его окрестили Романов-на-Мурмане, а уже через полгода, после Февральской революции, он обрел свое нынешнее название.

В другом конце коридора, недалеко от вестибюля, шумели люди, лязгало железо. Солдаты под присмотром офицеров таскали в машину оцинкованные ящики. Несколько отделов переезжали в новое здание, построенное недалеко от портовых причалов.

Мимо прошли два капитана — Григорьев и Ещенко. Они шли курить на лестницу черного хода, кивнули коллеге, он ответил им тем же. Хорошо, что не майоры. Тогда пришлось бы вставать, отдавать честь.

Усталость не проходила. Она намертво вклеилась в организм, и изгнать ее не помогали никакой сон.

Из третьей по счету двери вышел грузный, чем-то недовольный майор Афанасьев, побрел к выходу, даже не глянув на капитана. Ему навстречу, со стороны вестибюля, шагал майор Сомов, заместитель начальника следственной части. На работу пришел, задержался где-то. Всякое бывает. Дверь Сомова была второй по счету.

Он вставил ключ в замок, который всегда заедал, начал бороться с проржавевшим пружинным

механизмом. Майор насилу открыл дверь, вытащил ключ и только после этого заметил капитана.

Тому пришлось подняться. Субординация!

— Приветствую, Андрей Григорьевич. — Сомов улыбнулся, подошел, протянул руку капитану.

Майору еще не было сорока. Этот ладно сбитый, очень неглупый человек пользовался популярностью у женщин. Он всегда был сдержан, приветлив, редко срывался на крик.

— Здравия желаю, Виктор Васильевич. — Капитан чуть помешкал, но пожал протянутую руку.

— Все в порядке, Андрей Григорьевич? — спросил Сомов. — Вы какой-то напряженный. Не выпались?

— Все в порядке, Виктор Васильевич. Хотя я не отказался бы поспать немножко, где-то пару суток.

— Ничего, закончите дела и выспитесь. — Сомов дружелюбно улыбнулся. — Как продвигается работа? Вы нашли человека, взявшего под крыло местный воровской мир?

— Нашли, Виктор Васильевич, — учтиво отозвался капитан.

— Серьезно? — удивился Сомов. — И кто он, если не служебная тайна?

— Тайна, конечно. — Капитан помялся. — Но вам скажу, Виктор Васильевич. Это вы.

— Правда? — Сомов засмеялся, но страх успел мелькнуть в его глазах. — Хорошая шутка, Андрей Григорьевич.

Капитан молчал.

Сомов немного побледнел. Он пока не переварил эту важную информацию, в его сознании еще не закрепился этот удручающий факт. Но беспокойство уже давало о себе знать.

— Вы же не серьезно, Андрей Григорьевич, да? — Голос майора слегка зазвенел. — Скажу вам со всей ответственностью, что в качестве шутки ваше утверждение еще проходит, но вот как серьезное заявление...

— Вы арестованы, Виктор Васильевич, — заявил капитан. — За что, говорить не буду. Вы и так прекрасно это знаете. Не надо пустых слов. Нам с вами ясно, о чем идет речь.

— Подождите! Это чушь, вы бредите! — Бледность пятнами расползлась по лицу преступника.

Он немного попятился, машинально сжимая в руке ключ от кабинета.

— Вы вообще соображаете, в чем меня обвиняете? Это вопиющая некомпетентность, знаете ли!

Бесшумно отворилась дверь первого слева кабинета. Оттуда вышли два офицера. У одного в руке был пистолет. Второй приблизился к Сомову сзади, расстегнул на его ремне кобуру, вынул штатный ТТ.

Тот дернулся, судорожно сглотнул. Серо-бурые пятна зацвели на его физиономии. Он еще справлялся с эмоциями, но все понял. Сопротивляться было бесполезно, говорить какие-то слова — тем более.

— Отведите его в камеру, товарищи офицеры, и охраняйте, — сухо сказал капитан. — Не скажу, что мне очень жаль, Виктор Васильевич, однако я испытываю определенную удрученность. Вы представлялись мне приличным человеком. Ваша деятельность в качестве организатора преступной группы будет тщательно расследована, и вы получите по заслугам. Всего хорошего.

Подавленного преступника увели.

У капитана подкашивались ноги. Чертова усталость! Он добрал до стула, приставленного к стене, рухнул на него.

Справа послышалось выразительное покашливание. В дверном проеме последнего по счету кабинета стоял человек с погонами полковника. Ему было под пятьдесят, он смотрелся солидно, убедительно, мундир ему шел. В глазах полковника играла добродушная ирония. Он был в хорошем расположении духа. Для полковника Алябина, начальника отдела контрразведки СМЕРШ, это было нечастым явлением.

— Bravo, капитан, сыграли, как в театре, надеюсь, взяли именно того, кого нужно. Впрочем, воздержусь от аплодисментов, чтобы не зазнались.

Тому пришлось опять подняться, принять строевую стойку.

— Я уже не Леха Белый, Павел Евгеньевич? — спросил капитан.

— Нет, достаточно с тебя этой дури, — с улыбкой проговорил Алябин. — Разрешаю прекратить раздвоение. Ты капитан Неверов Андрей Григорьевич, сотрудник третьего отдела ГУКР СМЕРШ, прикомандированный к нам из Ленинградского управления. Думаю, что с такими способностями ты имеешь все основания стать майором.

— Когда-нибудь, — уточнил Андрей.

— Когда-нибудь, — согласился Алябин. — Сейчас, понимаешь, не до этого, времена тяжелые.

— Звучит забавно, Павел Евгеньевич, — сказал Неверов и усмехнулся. — Раньше говорили, дескать, потерпи, времена сейчас тяжелые. Вот кончится война... Так она ведь уже закончилась, товарищ полковник.

— И что с того? — Алябин пожал плечами. — Наступило тяжелое послевоенное время. Все мы должны набраться терпения. Кстати, почему мы с тобой тут стоим? — Алябин неприязненно покосился на головы, торчащие из кабинетов.

— Не знаю. Вы стоите, и мне положено.

— Так заходи. Не родной, что ли? — Полковник посторонился, пропуская капитана в свои

чертоги. — Присаживайся, будь как дома. И не стоит вскакивать всякий раз, когда я буду проходить мимо. Вижу, тебе сегодня не до физических упражнений.

— Спасибо, товарищ полковник.

В кабинете начальника контрразведки было тихо и глухо, как в подводной лодке. Домашним уютom здесь не пахло и все же было куда лучше, чем на воровской хазе. Капитан присел, откинулся на спинку стула.

— Насчет того, что война закончилась, я поторопился, товарищ полковник, — сказал он. — Наши войска ведут тяжелые бои с японскими милитаристами в Маньчжурии, на Сахалине, на Курильских островах. До капитуляции Квантунской армии еще далеко.

— Возможно, не так далеко, как тебе кажется, — заявил полковник. — Есть информация. Шестого августа, то есть позавчера, американцы что-то сбросили на японский город Хиросима.

Андрей поднял брови и осведомился:

— И что это было? Пламенный привет от трудового американского народа?

— По крупному счету, да. Именно пламенный. — Полковник замялся. — Это ядерная... тьфу, ядерная бомба. Атомная, проще говоря. Устройство небывалой разрушительной мощности. Американцы погрузили его в бомбардировщик и скинули с большой высоты.

— Да ну! — изумился Андрей. — Это не сплетни, Павел Евгеньевич?

— Наше учреждение собирает сплетни? — Полковник с интересом уставился на собеседника.

— Простите, глупость сморозил. Но ведь это...

— Да, именно. У них уже есть такая бомба, а у нас пока нет, но скоро будет, поскольку данный участок работ курирует лично товарищ Берия. Жертв в Хиросиме никак не меньше ста тысяч. Пострадавших в разы больше. Город полностью уничтожен, распространяется радиация. Есть мнение, что американцы на этом не успокоятся. Они готовят новую бомбу, которую применят не сегодня завтра. Им плевать, что гибнет исключительно гражданское население.

— Черт, это же бесчеловечно.

— Тамошние руководители не гуманисты, хотя и называют себя приверженцами демократии. Логика в их действиях есть. Первое: показать всему миру, а главное, Советскому Союзу, что у них есть атомная, мать ее, бомба. Пусть трепещут. Второе: как ни крути, а такие бомбардировки ускорят капитуляцию Японии. Не погибнут сотни тысяч солдат, в том числе и наших, советских. Мир наступит раньше. Математически все оправданно. Морально-этическая сторона — да, прихрамывает. Но я думаю, что американцы с этим справятся, подгонят под свои действия мощную оправдательную базу. Конечно, так лучше. Пусть гибнет граж-

данское население страны-врага, чем их собственные парни. Ладно, не будем о грустном. Сегодня мы прибрали большую шишку преступного мира. Это, конечно, знаменательное событие. О последствиях пока не будем.

— А они ожидаются? — спросил Андрей.

— А как ты хотел, товарищ капитан? — Полковник тяжело вздохнул. — Человек, контролирующий мурманских уголовников, оказался нашим ответственным работником, рядом с которым мы трудились не один месяц. Раскрыли — хорошо. Но плохо, что допустили. Такое не сходит с рук. А если он окажется агентом немцев, одним из тех, которых они оставляли на глубокое залегание, то дело вообще швах. Полетят головы. Может, не сразу, не все, но точно. Не исключаю, что это может быть голова одного из присутствующих. Речь, понятно, не о тебе. Выпить хочешь? — внезапно спросил Алябин.

Андрей сглотнул.

— Ты не смущайся, — отмахнулся Алябин. — Сегодня можно. Ни проверок, ни важных совещаний. Считай, что это приказ. Такую отменную работу обязательно надо спрыснуть.

Алябин извлек из выдвижного ящика бутылочку трофейного коньяка, пару стопок.

Он ухитрился все это подцепить одной рукой, потом быстро наполнил стопки, протянул одну Андрею и заявил без тени иронии:

— Будем жить и здравствовать, капитан!

— До конца печени, — пошутил Андрей.

— Тьфу, типун тебе на язык. — Алябин залпом выпил коньяк, закрутил крышку бутылки, дождался, пока Неверов вернет пустую стопку, и убрал все хозяйство в стол. — Ладно, считай, что твой успех мы отметили. А ты неплохо вжился в роль, — похвалил подчиненного Павел Евгеньевич. — Как это называется в ваших блатных кругах — выдавать себя за вора?

— Варганку крутить.

— Вот-вот, — пробурчал полковник. — Наблатькался, короче, молодец.

— С Пахомовым все в порядке?

— А, это тот парень, которого ты сразил холостым патроном?

— Все верно, Павел Евгеньевич. Боялся, что не вернут мне урки пушку. Но вернули. А холостой патрон я в ботинке прятал, незаметно вставил первым в обойму.

— В порядке твой Пахомов. Мастер художественного хрипа! Труханул он, конечно, по-крупному, но с задачей справился. Бока себе намял, пока по канаве катился, чуть на арматуру горло не насадил. Как-то странно ты все это спланировал.

— Да, местами глуповато, — признался Андрей. — Ушел Карась, мелкая сявка. Да и черт с ним, все равно попадетсЯ. В итоге ведь срабо-

тало, верно? Личность Сыча из всей этой братии знал только Махан. Брать его отдельно и допрашивать? Нет уж! Во-первых, риск. Там повсюду отморозки с оружием. Ребят потеряем. Во-вторых, пойдет волна, что Махана замели, и Сыч может смыться. Или Махан ничего не скажет. У них свои правила. Мести сообщников они боятся больше, чем пожизненного заключения. А если и скажет, то начнет торговаться, и не факт, что не слукавит. Опять же потеря времени. Информация дойдет до Сыча. Пришлось привлекать реальных персонажей из архангельской братвы — есть там парочка на железном компромате, — чтобы меня представили, вывели в свет, причем быстро, дабы Сыч не проведал. Ведь он прекрасно знает мою физиономию. Настоящее имя Махана — Махалов Николай Петрович. Биография у него что надо, отмороженный на всю тыкву. Он допустил ошибку, когда привез меня к дому Сыча. Сказалась эйфория. Бездна денег в машине! Да еще я, то есть Белый, на его глазах застрелил мента. Вроде банальный фокус, а всегда срабатывает. На это я и рассчитывал. Подготовиться мы толком не успели, сработали криво, да и ребята в машине растерялись. Это не наши оперативники. Плюс Карась гранату швырнул, что было совсем неожиданно. Чудо, что никого не зацепило, все успели смыться, да еще двоих бандитов положили. Наши прикрывали, но чуть отстали, могли не успеть. Кста-

ти, Махан почувствовал их присутствие — нюх у бандита отменный. Удивляюсь, что он меня не раскусил.

— Ты на сто процентов уверен, что Сомов и есть Сыч?

— На двести процентов, товарищ полковник. Хоть на тысячу. Фигура любопытная, не обделенная талантами и работоспособностью. Многогранник, так сказать. Причастность к абверу более чем вероятна. Махан уже сдает бандитскую сеть. Он понял, что нам известно про Сыча. Не сказать, что поет соловьем, но сквозь зубы цедит. Сомов изначально фигурировал в списке подозреваемых. В доме, куда меня привез Махан, проживает он — больше никто из списка. Семьи нет, чем занимается в личное время, неизвестно. Этот фрукт понимал, что им тоже будут интересоваться, поэтому деятельность временно свернул, не светился. Реакция при задержании тоже говорит о том, что это он. Биографию его следует проверять. По-моему, она хотя бы частично списана с другого человека. Абвер умеет... умел готовить и внедрять кадры. Сомов прибыл из действующей армии в январе текущего года, был переведен в Заполярье контролировать развитие и работу мурманского порта. Нареканий по службе не имел. Уж больно гладкий, без изъянов, слишком уж правильный какой-то. Если он внедрен, значит, есть и сеть агентуры. Не одному же ему куковать тут

в вечной мерзлоте да контролировать работу порта по линии абвера. Война окончилась, стал работать на себя, сколотил банду, подмял под себя воровские круги. На его счету не меньше тридцати убийств, в том числе ответственных лиц. Нападение на пароход «Сермяжный», перевозивший никель. Груз похищен, судно затоплено. Пропажа судна, обломки которого впоследствии обнаружили на норвежской территории. Никель, находившийся на его борту, пропал. Нападение на ресторан «Астория», помните? Первый секретарь обкома справлял юбилей. Ворвались бандиты в масках, всех приглашенных ограбили подчистую, а тех, кто сильно шумел, пристрелили. История с пропажей облигаций государственного займа...

— Ладно, я знаком с криминальной хроникой нашего городка, — проговорил Алябин и поморщился. — Уломал, Неверов, буду ходатайствовать о твоём поощрении.

— Я могу вернуться в Ленинград, Павел Евгеньевич? Ведь существуют какие-то сроки даже у самых длительных командировок. Или это не так?

Наступила жгучая пауза.

Полковник Алябин с каким-то загадочным лицом прохаживался по кабинету, делал это вкрадчиво, мягко переступал с пятки на носок.

— А приехал я назад, а приехал в Ленинград, — задумчиво бормотал он, погруженный в свои мысли.

Через минуту полковник словно случайно попал глазами в капитана и сделал такое лицо, словно не мог сообразить, кто это такой.

— Напомни, Андрей Григорьевич, ты же у нас одинокий человек, да? Тебя никто нигде не ждет? Ни мама с папой, ни любовница, ни супруга с выводком голодных детенышей?

— Никто не ждет, Павел Евгеньевич, — подтвердил Андрей.

— Ага, это хорошо, — заявил тот и тут же спохватился: — Нет, я не прав, это совсем нехорошо. Но в данной ситуации оно очень даже к месту.

«Да уж, малость деликатности в данном вопросе полковнику не повредила бы», — подумал Андрей и почувствовал, как отвердела кожа на его лице.

Теперь он был совсем один в этом мире. Отец и мать офицера Особого отдела Ленинградского фронта, не вылезавшего из боевых частей, погибли в сорок втором. Андрей сделал им документы на эвакуацию. Полуторка на льду Ладожского озера попала под бомбежку. Лопнуло колесо, машину отнесло в полынью, она мигом затонула. Все погибли. Неверов выл потом на луну, жутко жалел о том, что подготовил эти клятые документы.

Супруга Лариса — красавица-брюнетка с печальными глазами — погибла спустя несколько недель, будучи на девятом месяце беременности. Он заделал ей ребеночка в короткий набег-уволь-

нительную. Та сторона улицы, по которой она шла, была наиболее опасной при артобстреле. Об этом всех и каждого доходчиво извещали плакаты на стенах. Лариса, конечно, не знала, что будет артобстрел, внезапный, страшный, надеялась проскочить. Осколки снаряда разбили фасад здания. Плита рухнула на женщину, не успевшую отскочить.

Андрей думал, что сойдет с ума, вернулся на фронт с решительным желанием умереть. С какого гвоздя сорвался?

Через день рота фашистских танков и до батальона пехоты провели тактический маневр, атаковали с фланга две потрепанные роты капитана Мирзояна, когда-то бывшие целым полком. В жуткой сече погибли все офицеры, кроме него. Он лично садил из «максима», когда пулеметчику Остапову оторвало осколком голову.

Когда жидкая цепочка пехоты дрогнула под напором стальной армады, Неверов первым с диким воем схватил связку гранат и бросился в контратаку. Красноармейцы подхватили его почин. Драка была жуткая. Он подорвал танк, а потом лично порубил троих немцев саперной лопаткой. Бойцы тогда точили их лучше, чем палачи — свои топоры. В живых осталось не больше десятка бойцов, но они удержали оборону до подхода свежих частей.

Старший лейтенант Неверов в том бою не получил ни царапины, что считал не чудом, а сущим

издевательством. Очередное звание, медаль, короткий отпуск, который негде было проводить.

После этого он сильно изменился, стал спокойным, смирным, собранным. Больше особо собой не рисковал, служил вдумчиво, дотошно разбирал, раскладывал по полочкам каждый инцидент, больше всего ненавидел формализм и фабрикацию дел, бывшую в ту пору нормальной практикой. Слыл чуть не белой вороной, предпочитал обходиться без напарников, до всего доходить своими мозгами.

Сорок третий год, образование ГУКР СМЕРШ, куда он с готовностью перешел из Особого отдела. Прорыв блокады Ленинграда, освобождение Смоленщины, Белоруссии, Прибалтики. «Лесные братья», националисты самых разных мастей и оттенков. Неверов всех выявлял, никого не миловал.

Потом Польша, разоружение отрядов Армии Крайовой, расстрел их командиров, отправка самых везучих в далекие сибирские лагеря. Какая-то стыдливость, неловкость. Ведь одно же дело делали с этими людьми, против нацистов боролись, а тут вдруг вмешалась большая политика.

Он сам едва не загремел под арест за сердобольное отношение к сторонникам польского правительства в изгнании, подал рапорт с просьбой о переводе на Первый Украинский. Наверху это прошение уважили, под занавес войны отправили Неверова в Чехословакию, откуда еще

не успели сбежать потрепанные вояки предателя Власова.

В мае, после победы, он вернулся в Ленинград, в распоряжение начальника тамошнего управления. В городе оставались законспирированные немецкие агенты и просто предатели. Глубоко ошибался тот, кто теперь считал их безвредными. Кто-то продолжал гадить по инерции, другие сменили хозяев на представителей так называемых демократических стран. Не секрет, что многих офицеров немецкой разведки, порвавших с гитлеровским режимом, взяли под опеку западные спецслужбы.

В Ленинграде Андрей познакомился с женщиной, вроде вполне неплохой, тихой, домашней. Особых чувств к ней у него не было, но настало время улаживать личную жизнь. Не век же волком бегать и удовлетворять свои потребности в связях на одну ночь с хозяйками съемных хат, связистками, радистками, медсестрами.

Но с этим не сложилось. Он и месяц не проработал в Ленинграде, как подоспела долгосрочная командировка в Заполярье. Мурманский порт становился значимым объектом в цепи поставок грузов из зарубежья и других частей собственной страны. Андрей вынудил эту женщину дать ему слово в том, что она не будет его ждать, вытер ее горячие слезы своей огрубелой ладонью, поцеловал на прощанье и помчался на вокзал.